

Рахматов Александр Ахмедович

канд. полит. наук, доцент

АНО ВО «Международная академия бизнеса и управления»

г. Москва

DOI 10.31483/r-105406

ВЛАСТЬ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ: ТЕРМИНЫ И ПОНЯТИЯ

Аннотация: в статье автор рассматривает разнообразные способы интерпретации глобального управления, где стоит подчеркнуть, что понятийные демаркации важны не сами по себе, а по причине необходимости отображении их помощи сложных и неоднозначных явлений в мировом пространстве. То есть проблема состоит не в схоластическом разведении терминов, а в отображении различных понятий сложных социальных процессов, раскрывающих различные грани эволюции мирового сообщества.

Ключевые слова: интегративная парадигма, национальные государства, глобальное сотрудничество, устойчивое развитие, архитектура мира.

Определенным ответвлением интегративной парадигмы можно считать модель корпоративного глобального управления, где формирование миропорядка объясняется результатом не только усилий национальных государств, но и действий крупнейших корпораций и неправительственных организаций, которые также объявляются неперенными участниками построения новой архитектуры мира и агентами воздействия на линию развития человеческого сообщества.

Сопутствующей парадигматике – условно говоря, выступающей как романтической версией будущего объединения индивидов – выступает и идея глобального сотрудничества, предполагающая, что решение совместных (глобальных) проблем будет достигаться не путем навязывания воли сильнейшего (сильнейших) в мировом сообществе, а через диалог всех участников международных отношений.

Важные акценты предлагает достаточно распространенная модель отгораживания передовой части мира от падающих (*failing states*) и несостоявшихся (*failed states*) государств, стран-изгоев и стран-неудачников, передового центра

от мировой периферии. По мнению сторонников данных идей, это способно, с одной стороны, уберечь лучшую часть человечества от приносимых странами «третьего» и «четвертого миров» социальных болезней, нарастания рисков и широкого диапазона экологических, демографических, неантропогенных и прочих угроз; а с другой – качественно повысить уровень регулирования и управления части мира.

Как своеобразное логическое продолжение этих идей в науке сложилась и концепция бесполярного мира, предполагающая не только отсутствие некоего упорядочивающего центра на планете, но и неуклонное нарастание хаоса как в мировых отношениях, так и связях человека с природой и космосом, что по понятным причинам чревато кризисами и конфликтами, угрожающими разрушить мировое сообщество в целом в весьма неотдаленной перспективе.

Несмотря на разнообразие, приведенные выше позиции, по сути, однозначно и в равной степени четко показывают, что в «глобальном» измерении слово «управление» оказывается лишенным своих специфических коннотаций, которые вкладываются в него в теориях управления или государственного управления. Более того, предпочитая видеть во власти и управлении близкие по духу формы социального регулирования, многие ученые отождествляют соответствующие понятия. Однако, такие традиции в словоприменении во многом обусловлены сложностью и высокой хаотичностью социальных процессов в мировом пространстве, что затрудняет четкое наделение тех или иных процессов соответствующими смысловыми значениями. Но надо признать и то, что, к сожалению, только немногие ученые, ощущая научную нестрогость такого употребления понятий, все же ратуют за более специальное употребление данных терминов, предлагая шире использовать категорию глобальное регулирование.

На фоне разнообразных способов интерпретации «глобального управления» стоило бы подчеркнуть, что понятийные демаркации важны не сами по себе, а по причине необходимости отображения при их помощи сложных и неоднозначных явлений в мировом пространстве. Иными словами, проблема состоит не в схоластическом разведении терминов и игре слов, а в отображении с помощью

различных понятий сложных социальных процессов, раскрывающих различные грани эволюции мирового сообщества. Ведь «власть», «управление» и иные соотносимые с ними термины способны выявить характер не только мирового порядка в целом, но и тех его пространств (полей, зон, участков, сегментов), где существуют различные возможности для сознательного регулирования людьми соответствующих трансграничных процессов.

Современное трансграничное пространство задает свои рамки, свои коридоры возможностей для регулирования разнообразных (во многом хаотичных по своей природе) процессов (потоков, движений) и социальных структур, а равно и формирования для этого разнообразных центров силы, концентрации ресурсов, доминирования, принуждения и т. д. Другими словами, каждый раз так или иначе складывающийся (в той или иной точке трансграничного пространства) характер мировых связей и отношений создаст различные возможности для сознательного вмешательства человека. Причем здесь всегда существуют государства (их союзы или альянсы) и корпорации, которые стремятся к регулированию соответствующих процессов на основании завоевания доминирующих позиций, и те акторы мирового пространства, для которых пределом мечтаний выступает выживание, адаптация к складывающейся ситуации. И в этом плане у них не существует никаких претензий на сознательное регулирование или же перестроение трансграничных связей.

Одним словом, научная точность в использовании категорий дает возможность лучше осознать смысл происходящих сегодня процессов в мировой политике. Будучи формами сознательного регулирования мировых порядков, власть и управление испытывают на себе противоречивость существующего разрыва между естественным ходом эволюции трансграничных процессов и сознательными попытками международных акторов выстроить при помощи этих инструментов тот или иной порядок взаимодействия стран, регионов и иных агентов мировой политики. Например, глобализация, представляя собой форму достижения нового уровня взаимосвязанности человечества и одновременно фактор дифференциации мирового сообщества, предполагает использование власти и

управления как для усиления конвергенции мирового сообщества, так и дивергенции трансграничных коммуникаций. Поэтому в одной точке мирового пространства эти инструменты сознательного регулирования используются в целях укрепления суверенитета каких-то государств и объединений, а в других – для усиления позиций наднациональных структур и разрушения суверенитета отдельных политических сообществ.

Такая противоречивость в использовании власти и управления подкрепляется действием в мировом пространстве трех групп властных институтов (национальных государств, международных организаций и транснациональных корпораций – ТНК), взаимоотношения которых не имеют системного характера и не образуют единой глобальной структуры т.е., говоря другими словами, преследуют различные, а временами едва ли ни противоположные цели. Практический опыт показывает, что одни и те же события (например, открытость мировой торговли, нарастание демократизации или авторитарные практики и пр.) разные акторы воспринимают то как угрозы, то как перспективы собственного развития, в результате чего постоянно варьируется характер их взаимоотношений, а наступательный характер и интервенционизм одних сочетаются с откровенной пассивностью других. Как бы то ни было, но неоднозначные ориентиры и интересы, разные темпы включения этих акторов в глобальный миропорядок, множественность обменов (деятельностью, информацией) и подвижность их союзов постоянно перестраивают соотношение сил в мировой политике, предполагая, таким образом, применение различных способов урегулирования конфликтов, применения властных, управленческих или иных механизмов.

Многовековой опыт дал достаточные основания для того, чтобы оі носиться к власти и управлению как к особым методам воздействия трансграничных акторов на политическую ситуацию в собственных (или коллективных) интересах. Логическая реконструкция взаимодействия естественных и сознательных процессов позволяет выстроить определенную (и какой-то мере иерархическую) цепочку разнообразных форм таких целенаправленных действий. Одним словом, применительно и к мировому пространству целесообразнее дифференцированно

представлять себе способы воздействия человека и на окружающую среду, и на его собственные отношения.

Список литературы

1. Барабанов О.Н. Проблемы глобального управления: выбор аналитической парадигмы / О.Н. Барабанов // Вестник международных организаций. – 2009. – №2.
2. Баранов О.Н. Глобальное управление / О.Н. Баранов, В.А. Голицын, В.В. Терещенко. – М.: Проспект, 2006.
3. Дробот Г.А. Проблема глобального управления в контексте теории международных отношений / Г.А. Дробот // Мировая экономика и международные отношения. – 2008. – №9.
4. Зиновьев А. Из интервью журналу «Российская Федерация сегодня». 2007. №11.
5. Лебедева М.М. Мировая политика: учеб. для вузов / М.М. Лебедева. – М.: Приор, 2009.